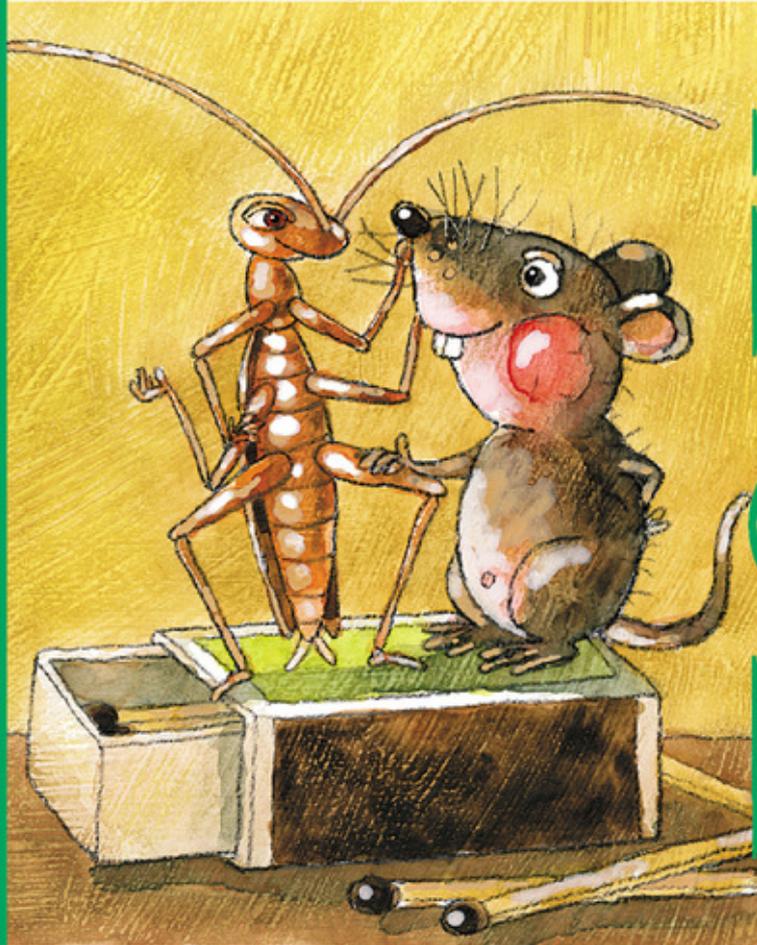

РАССКАЗЫ
ДЛЯ СЕРЬЕЗНЫХ ДЕТЕЙ
И НЕСЕРЬЕЗНЫХ ВЗРОСЛЫХ

АСТ
АСТРЕЛЬ

ЭДУАРД
ТОПОЛЬ

ТОПОЛЬ

Эдуард Владимирович Тополь
Рассказы для серьезных детей и
несерьезных взрослых (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2453135

Рассказы для серьезных детей и несерьезных взрослых / Э. В. Тополь: АСТ, Астрель; Москва; 2007

ISBN 978-5-17-044047-4, 978-5-271-16876-5

Аннотация

Сборник рассказов известного писателя Эдуарда Тополя о доверительных, дружеских, необычных и очень интересных отношениях людей и зверей. Книгу можно адресовать и детям, и взрослым.

Содержание

Несерьезные рассказы	4
Моя кошка Джина Лоллобриджида	6
Про моих воронят	13
Мои любимые собаки	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Тополь

Рассказы для серьезных детей и несерьезных взрослых (сборник)

Моей племяннице Асе

Несерьезные рассказы

Некоторые люди считают, что быть взрослым это серьезное дело. И что все взрослые должны быть очень важными и серьезными. А если, говорят, ты несерьезный, то ты еще не взрослый и не очень-то важный человек.

Это совершенно не так!

Я лично знаю несколько очень взрослых и в то же время очень несерьезных личностей. Например, мой друг писатель Григорий Остер. Он такой серьезный – я никогда не видел,

чтобы он улыбался, шутил или вытворял какие-то озорства. Но почитайте, какие он дает советы! Разве серьезный человек может давать людям такие несерьезные советы?!

А художник Дмитрий Трубин, который оформил эту книжку? Он, такой большой и взрослый, целыми днями чем занимается? Рисует каких-то говорящих тараканов, поющих ослов, ворчащих попугаев и суровых мышек.

Теперь поговорим о детях. Почему-то считается, что среди детей нет серьезных личностей. Зablуждение! Возьмите моего сына Антона. Ему всего восемь лет, но более серьезного человека я в жизни не встречал. Он наотрез отказывается понимать мои шутки. Стоит мне пошутить на его счет, как он тут же обижается и говорит: «Папа, это плохая шутка!».

Я очень хочу, чтобы все это как-то изменилось. Чтобы очень серьезные дети чаще шутили, а несерьезные взрослые все-таки взяли за ум. И вот для таких людей – серьезных детей и несерьезных взрослых – я написал свои очень серьезные несерьезные рассказы.

Желаю приятного чтения,

Эдуард Тополь

Моя кошка Джина Лоллобриджида

Да, у меня была кошка с именем и фамилией – Джина Лоллобриджида. Слушайте, как было дело.

Я много лет жил в деревне под Москвой, в Доме творчества «Болшево». Дом творчества – это такой санаторий для писателей, где можно целый день ничего не делать, а когда уже совсем делать нечего, то можно сочинять киносценарии, книжки или пьесы для театра. Но я это шучу, конечно, у меня там была комната в деревянном домике-коттедже, и в этой комнате я с утра стучал на машинке, сочинял кино, а потом, когда уже ничего не сочинялось, я уходил гулять в лес или на речку. И вот однажды зимой, в декабре, кажется, когда уже были сильные морозы и снег, мы пошли с одной артисткой, Тамарой Носовой, – очень смешной артисткой, – так вот, мы пошли с ней погулять, подышать воздухом. До леса мы не дошли, замерзли, повернули обратно. Идем по деревенской болшевской улице и видим – на белом снегу кусочек черного угля шевелится. Небольшой такой кусочек, может быть, меньше, чем мой кулак. И – шевелится. Станет на лапки, сделает несколько шагов по наскольженному машинами снегу мостовой, поскользнется и – кувырк, падает.

«Ах, ты, – думаю, – котенок какой глупый! Тебя же машины задавят! Иди-ка сюда!» И – хочу его догнать, сграбастать, но... ничего подобного! Не могу поймать – убегает! На своих крохотуленьких ножках убегает – так бочком, бочком и еще хвостик трубой поднял, понимаешь! Я чуть сам не поскользнулся и не шмякнулся носом в мостовую, когда за ним погнался.

А артистка Носова, конечно, смеется надо мной – тоже мне, говорит, котенка догнать не может!

Совсем я на этого котенка разозлился: «Да ну его, – говорю, – не нужен он мне, я его согреть хотел, а он... Ну и убегай себе, катись!»

И пошел своей дорогой.

Идем мы с Носовой по улице, и я так вкось смотрю – что такое? Догнал нас черный уголек, скользит по льдистой мостовой лапками, а догнал! «Ах, ты!» – думаю, – и – раз, подхватил его под пузико и за пазуху сунул, под дубленку. А дубленка у меня замечательная была, с длинным нестриженным мехом, как тулуп, – ну тепла-ая! Я с ней и на Крайний Север летал, и в Сибирь – нигде не замерзал! И слышу – возится там мой котенок, еще глубже за пазуху прячется, греется. «Ладно, – думаю, – о'кей, грейся». Пришли мы домой, в Дом творчества, я и говорю Носовой:

– Том, а Том, тебе нужен котенок?

– Нет, – говорит, – не нужен. У меня дома собака, боксер.

– А что же мне теперь с ним делать? – говорю. – Не могу же я его выбрасывать, я ведь его уже согрел!

– Конечно, – говорит, – раз согрел – не имеешь права выбрасывать! И вообще, – говорит, – запомни: кого согрел, того не имеешь права выбрасывать, нечестно это, понял?

Делать нечего, пошел я с котенком домой, в свою комнату. Думаю, что мне с ним делать? Сходил на кухню, взял у повара блюдце с молоком, принес в свою комнату, говорю котенку: «Пей». А он не пьет. Я его мордочкой тычу в блюдце с молоком – опять не пьет. «Ах, ты, – думаю, – ну что с ним делать, не понимает, что это молоко, наверно». Намочил я палец в молоке и сунул котенку в рот. А ротик-то у него, Боже мой, крохонький! Стал он мне палец облизывать своим красненьким язычком – мне и смешно, и щекотно...

Через несколько дней
он уже сам молоко лакал
из блюда...

Так и поселился у меня этот котенок, и я назвал его Уголек. Через несколько дней он уже сам молоко лакал из блюда и бегал по всей комнате за бумажкой, которую я перед ним на нитке дергал. Толстенький стал, как колобок, и – я забыл вам сказать – очень красивый. Потому что он не весь черный был, а – оказалось – у него очень аккуратный белый галстучек, и все четыре лапки в белых перчаточках, и на лбу – маленькая беленькая звездочка, ну, не звездочка, а такое маленькое беленькое пятнышко, как звездочка. И от этого мордочка сразу казалась такой умненькой, весь котенок в этом белом галстучке и белых перчаточках – такой аккуратный, интеллигентный, что все, кто приходил ко мне в гости, тут же брали его на руки, гладили, рассматривали.

И вот одна гостья – уже не помню кто – так внимательно его рассмотрела, что вдруг говорит:

– А это и не мальчик совсем, а девочка. Кошка это, а не кот.

Ну, стал я думать, как мне ее назвать. Я сразу решил, что у моей кошки должны быть имя и фамилия. Только какие? Было два варианта: или американская артистка Лиза Миннелли, потому что у меня на стенке висел ее портрет, или Джина Лоллобриджида. Но Лиза Миннелли не годилась, потому что Лиза – это русское имя, придет кто-нибудь в гости и обидится, что я ее именем кошку назвал, а во-вторых, все будут думать, что Лиза от слова «лизать» или «лизаться», или даже «подлизываться», а моя кошка совсем даже не была подлизой, а, наоборот, росла очень грациозной, игривой, задиристой и самостоятельной. Даже скажу вам по секрету, что она очень быстро научилась аккуратно ходить в туалет, и у нас с ней на эту тему почти никогда не было скандалов.

Ну, вот и стал я ее называть Джинной Лоллобриджидой. Всю зиму прожила она у меня в комнате, на улицу выходить боялась, только любила сидеть на окне, смотреть, как воробьи скачут. И много у меня с ней было в ту зиму приключений и забавных историй.

Во-первых, она научилась будить меня рано утром. Вообще-то я терпеть не могу рано вставать, я люблю поздно ложиться и поздно вставать, а вот Джина – как раз наоборот. И стала она меня перевоспитывать. Я ей не разрешал у меня на кровати спать, у нее было свое место – в кресле. И вот она займет с вечера кресло и спит себе, а я слушаю радио или книжку читаю и ложусь, конечно, поздно. И поэтому сплю себе утром до завтрака. А Джина – нет. Она выспится, проснется в шесть утра, залезет рядом со мной на тумбочку, где радио стоит и книжки лежат, усядется и смотрит мне в лицо, ждет, когда я начну просыпаться. Хитрющая была – никак не перехитришь. Только-только я шевельну ресницами, она уже понимает: ага, это я уже не сплю, и – прыг с тумбочки на пол. И в обход мою кровать обегает, и шарк – щекочет лапками мою высунутую из-под одеяла ногу. Ну, я как заору: «Джина, отстань!» А ей только того и надо, чтобы я проснулся, – уж она по всей комнате понеслась, как белка: шарах – на окно, шарах – под койку, шарах – по письменному столу, шарах – по моей кровати. Набегается, сядет возле моей кровати близко-близко и смотрит, хитрющая, ждет, погонюсь я за ней, или тапочек в нее брошу, или подушкой запущу. Уж тут радости! Снова, как выюн, по всей комнате, ну только что не хохочет, не умеют кошки хохотать, а жалко!

Ну, потом я научился так спать, чтоб под утро просыпаться лицом к стенке – чтобы ей моих ресниц не видеть было, ага.

И что вы думаете? Как она меня будила? А так: лапкой своей, самой подушечкой чуть-чуть коснется моей щеки и тут же уберет лапку. Вот когда говорят «нежно, как кошка лапой», так это про мою Джину. Я много в жизни нежностей видел, но никто меня никогда так нежно не гладил по щеке рано утром, только два существа – Джина и моя маленькая племянница Ася.

Ну вот, и научила меня Джина рано вставать и зарядку делать. Потому что до завтрака чем мне еще было заняться?

А после завтрака я ей всегда приносил из столовой котлету, или сосиску, или молоко, и садились мы с ней за работу. Я на машинке стучал, а она сквозь окно воробьев считала. Потом, через пару часов, надоест ей воробьев считать и мою машинку слушать, она – прыг на письменный стол, или на плечо мне, или даже на пишущую машинку. Я ее прогоню, а она опять – мол, хватит работать, антракт, давай поиграем во что-нибудь. А во что мне с ней играть? У нее только одна игра была – чтобы я ее ловил, а она от меня убегала. По всей комнате.

Потом стал я ее приучать на улицу выходить. Помню, первый раз открыл двери на улицу, на мороз, и говорю ей: «Хватит дома сидеть, иди погуляй по снегу». А она смотрит то на меня, то на дверь. Потом вышла на крыльцо, понюхала снег, потрогала его лапкой и

– шмыг домой. «Ах, ты, – думаю, – неженка какая!» Взял ее на руки, пошел на улицу и посадил ее в сугроб. «Закаляйся!» – говорю. Ох, как она обиделась! Хвост задрала трубой и бегом в дом, спряталась под кровать и целый день там сидела, не хотела со мной общаться, обиделась.

Но все-таки мало-помалу стала она привыкать выходить на улицу. Особенно когда солнечный день выдавался. Я говорил: «Джина, пойдем погуляем», – брал ее на руки и выходил из дома. Отходил от дома на несколько шагов, останавливался на тропе посреди сугробов, ставил ее на снег и ждал, что она делать будет. А она походит вокруг моих ног, понюхает снег, а потом так осторожно пройдет по тропе – сделает шагок и ждет, еще шагок – опять ждет. Мне смешно смотреть на эту трусиху, ка-ак свистну, она – тут же домой наутек. Но день за днем все смелей и смелей становилась моя Джина Лоллобриджида, уже на десять шагов впереди меня идет, потом на двадцать, и скоро я с ней совсем как с собакой гулял. Бывало крикну: «Джина, ко мне!» – и она тут же подбегает, трется возле ног и идет рядом, как верная собачонка. И так разохотилась по снегу гулять, что уже стала со мной в догонялки и ловитки на улице играть. Выпустишь ее, а она – шмыг куда-нибудь в кусты за сугробы, и ищи ее. Или – скок, скок по снегу и на дерево какое-нибудь залезет метра на два и смотрит на меня – погонюсь я за ней или нет, полезу в сугроб или не полезу. И однажды так забаловалась, так разыгралась, что уже не на два метра, а на самый верх дерева вскарабкалась. Я ей снизу кричу: «А ну слезай!» – а она дразнит меня и еще выше лезет. А там ветки тонкие, и я вижу, что ей уже самой страшно, да она на такой тонкой верхушке не может развернуться, вот и лезет все вверх и вверх.

Стал я ее звать – и по-хорошему, и по-плохому, и шапкой в нее кидал, и снежками пробовал, и дерево тряс – ничего не помогает, влезла моя Джина на самую-самую верхушку дерева, раскачивается там, пищит, а слезть не может. Пошел за стремянкой. А смеркалось. Еле-еле я в котельной у кочегаров какую-то стремянку нашел, но короткую – два метра. Приставил к дереву стремянку и полез по веткам, но какое там! Джина ведь на самой-самой верхушке, мне туда не добраться – ветки подо мной обломаются. Уселся я посреди дерева, стал ее звать к себе, говорю: «Джинушка, девочка, ну слезай, пожалуйста, иди сюда «А она висит на макушке дерева, ухватилась всеми четырьмя лапками за ветку – и ни вперед, ни назад, боится с места тронуться. Так я и не смог ее уговорить, слез с дерева и с досады хотел идти домой, думаю, пусть посидит там, сама спустится. И вдруг вижу – огромный кот, ну – о-огромный, сидит под деревом и смотрит на мою Джину.

– Ах, ты, – говорю, – негодай! А ну пошел отсюда!

И снежком в него запустил.

А он отошел на несколько метров и опять сел себе в снег и сидит, ждет, когда я домой уйду. Ну, что мне делать? Стал я этого кота прогонять. Отгону его от дерева, только домой двинусь, смотрю – опять его глаза из-за кустов светятся. Темно ведь уже, ночь скоро. Ну, я чуть не плачу. Зову Джину, а она не слезает, сидит себе там наверху, сжалась в комочек и уже не пищит даже, не мяукает, вообще не отвечает. У меня уже и ноги замерзли, и нос, и вообще надоела мне эта история, но как я ее брошу, если тут рядом этот котище разгуливает?

Ладно, пошел я домой, включил я в своем доме весь свет и еще настольную лампу на окно поставил и направил свет на дерево, где моя Джина сидела, чтобы видеть мне через окно, когда этот кот на дерево ползет. И вот представьте себе, всю ночь я возле этого окна просидел, караулил мою Джину Лоллобриджида, чтобы ее этот кот не обидел. Музыку включил на полную громкость, кофе пил, чтобы не уснуть, и каждый час выходил на улицу звать мою Джину. А она не слезает. Холодно, мороз, снег скрипит под ногами, котище, конечно, ушел давно, но я все равно не спал: а кто его знает, вдруг он вернется? Так и досидел я до рассвета, а на рассвете... Подошел я опять к дереву и говорю: «Джинушка, ну слезай, пожалуйста», – и вдруг вижу – ползет моя кошка вниз, пищит, мяукает, а ползет. Я ей говорю:

«Вот молодец, смелей, прыгай!» – и дубленку свою снимаю и держу на руках, чтобы было ей куда прыгать. А у нее, наверно, лапы так замерзли, что она уже и держаться не может за ветки, прямо кубарем катится по дереву, только сучки трещат, сорвалась с ветки и – бах, прямо мне на руки, в дубленку!

Прижал я ее к груди, как родную дочку, и – домой! Дома налил ей молока, а она и не пьет – залезла под теплую батарею и сидит там, молчит, не шевелится даже. Так целый день

под теплой батареей и просидела, только к вечеру вышла, попила молока и опять – к теплу. Грелась после такой морозной ночи.

Все-таки не отдал я ее коту в обиду, всю ночь высидел без сна у окна, а уберег свою Джину, и она мне такой же верностью платила. Вот послушайте как.

Были у меня в ту зиму всякие дела в городе, в Москве: то на киностудию поехать, то к племяннице Асе, ну мало ли дел в Москве? И вот я оставляю утром Джине молоко в блюдце, котлету и колбасу положу в мисочку и говорю, мол, я уезжаю, ты не скучай, вот тебе еда, кушай. Потом заведу свою машину и уезжаю в город, в Москву. А возвращаюсь, конечно, поздно вечером, а иногда и ночью даже. Думаю, как там моя Джина? Заезжаю во двор нашего Дома творчества, ставлю машину в гараж и – бегом домой. Смотрю, моя Джина сидит на подоконнике, выглядывает меня, а захожу в комнату – она прямо ко мне, и трется головой о ноги, и трется, и мурлычет. Включаю свет – что такое? Молоко с утра стоит нетронутое, котлета и сосиска не съедены – ну, не прикасалась кошка к еде целый день, и все тут! Ты, говорю, почему не ела тут ничего без меня? А она мурлычет, головой об ноги трется, и, пока я ее не возьму на руки, пока не поглажу, не скажу всякие теплые слова, мол, Джинушка моя, Лоллобриджидушка, она не отойдет от меня. И только потом, через пару минут, когда и погладишь ее, и извинишься за то, что целый день меня не было, – и только тогда она спрыгнет с колен на пол, медленно так подойдет к мисочке и не спеша, с достоинством начинает молоко лакать. И вот так она меня приучила пораньше домой приезжать – не ела без меня, и все тут. И соседи мне рассказывали, что, когда меня нет, она целый день сидит на подоконнике – ждет. Уж они с ней пробовали и заигрывать, и кормить ее через форточку – она на них ноль внимания. Только слушала шум машин на шоссе и мою машину еще издали узнавала – уж не знаю как, все-таки кошка, у нее слух кошачий! Как услышит мою машину, забегает по подоконнику, на задние лапки становится, чтобы побыстрее мою машину увидеть, и, когда видит, что это действительно я, опять садится и ждет спокойно.

Вот такая была моя Джина Лоллобриджида! Верная кошка!

А теперь слушайте, как мы с ней расстались.

Дело к весне шло, и настала мне пора уезжать из России навсегда.

Стал я думать, что мне с Джинкой делать, кому отдать в хорошие руки. Ведь Джина моя выросла, стала такой красивой и грациозной кошкой, что с ней даже в цирке можно было выступать. Вся черная, в белых перчаточках, при белом галстук-бабочке и на лбу белая звездочка. Много разных артисток просили у меня отдать им Джину. Но я артисткам не доверяю. Позовут их в какой-нибудь другой город в кино сниматься, они и бросят мою Джину кому попало. Нет, не доверяю я артисткам, знаю я их!

И тут как раз приходит ко мне наш садовник Степан Федорович, приходит и говорит: «Слыхал я, – говорит, – ты куда-то уезжаешь и не знаешь, куды тебе твою Джину пристроить». – «Ага, – говорю, – действительно». – «А чего же ты, говорит, своей Асе ее не отдашь, племяннице?» А я говорю: «Потому что Ася со мной тоже едет, я без нее не могу долго жить». – «Понятно, – говорит, – так эта вот... я, – говорит, – дом себе купил неподалеку, так моя жена хочет кошку в доме завести, может, она приедет познакомиться с твоей Джинкой?» Так, думаю, это – дело, это серьезные люди. «А сад, – говорю, – у вас есть?» – «Есть, – говорит, – и дом, и сад, ей у нас хорошо будет, ты не сомневайся. Так что, звать мне жену?» – «Нет, – говорю, – мы с Джинкой сами поедem с твоей женой знакомиться. И дом посмотрим, и сад. Если ей у тебя понравится – твоя будет Джина!»

Завел я машину, посадил Джину на заднее сиденье, Степана Федоровича на переднее, и поехали мы смотреть его дом и сад. А там нас хозяйка встречает, молока наливает Джине в блюдце, но Джина не пьет, а сразу – представьте себе – идет весь дом обнюхивать. «Ага! – говорит хозяйка. – Мыши у нас по ночам скребутся, все сухари поели за печкой, вот будет теперь хозяйка в доме, наведет порядок!»

А Джина вышла в сад, а там вишни цветут белыми цветами, пчелы жужжат – хорошо. Мне самому нравится, я бы и сам тут остался. «Ну что? – говорю я своей Джине. – Нравится тебе тут? Будешь тут жить?» Молчит моя кошка, не отвечает, а молчание, как вы знаете, знак согласия. Да я по глазам вижу, что уже хочется и ей свой дом иметь – чтоб и кухня была своя, и столовая, и спальня, и сад, чтобы все, как у людей, а не то что какая-то комнатенка в Доме творчества у писателей!

«Ладно, – говорю, – Джина ты моя Лоллобриджида! Живи тут с миром! А я поеду в эмиграцию, посмотрю, как там люди живут, в других странах...»

И – поехал. Только не сразу, не на другой день, конечно. А осенью, в октябре. И вот перед самым отъездом были у меня дела в Болшево, под Москвой. То ли мне нужно было там сувениры купить, то ли чемодан я искал в дорогу, не помню.

Только думаю, дай-ка я заеду посмотрю, как там моя Джина живет, попрощаюсь. И заехал. Спрашиваю у хозяйки: «Здравствуйте, как тут моя Джина поживает?» – «А вон она, – говорит, – в углу с котятами. Нужен вам котенок?»

А я смотрю – действительно, в углу, в старой кошелке, три черных уголька-котенка и один беленький, а рядом Джина сидит и облизывает каждого. Посмотрела на меня и опять стала их облизывать, будто и нет ей до меня никакого дела. Но я и не обиделся – вон у нее сколько хлопот, четверо котят! А хозяйка опять спрашивает:

– Вы уже назад приехали? Нужен вам котенок?

– Нет, – говорю. – Я уезжаю. Ненадолго.

– Жалко, – говорит. – Нужно этих в хорошие руки отдать.

– Правильно, – отвечаю. – Только артисткам не отдавайте! Знаю я их!

Так я и уехал. И живу теперь в Америке, в Нью-Йорке, и думаю: у кого там эти котята живут, у хороших ли людей?

1979–1980 гг.

Про моих воронят

Как-то весной был в Подмоскovie ураган! То есть вдруг налетел такой сильный ветер, что деревья трещали, провода рвались и на землю падали, и даже с какого-то дома крышу сорвало. Вот какой был ураган!

Я в это время жил под Москвой в Доме творчества писателей, в деревянном коттедже, посреди парка над рекой. И когда налетел ураган, деревья у меня за окном прямо до земли наклонялись, ветер рвал с них молодые листья, и даже на речке волны поднялись – такой был сильный ветер! А потом сразу – раз, и тихо стало. Улетел ураган дальше, в другие страны. А я пошел посмотреть, что же он натворил в нашем парке.

Только вышел из коттеджа, слышу, в парке вороны кричат. Ну, так кричат, сил нет, как будто что-то ужасное случилось!

«Ка-ар! Ка-ар!!» – громко, будто по репродуктору. Пошел я на этот крик, думаю: что там такое случилось? И вот вижу: две вороны ныряют сверху к земле, к одному месту и кричат там: «Кар!!» Взлетят от земли и опять к этому же месту спускаются и опять там кричат: «Ка-арр!» Думаю: что там такое? Подхожу и вижу: два крохотных вороненка сидят в траве, к земле прижались, головками во все стороны испуганно ворочают, а две вороны – папа и мама – подлетают к ним, прямо в лицо им свое «кар!» – требуют, чтобы они с ними взлетели. Я сразу понял, что это ветер выбросил воронят из гнезда, да только, думаю, как же они теперь в гнездо вернуться, они ведь такие крохотные – прямо как спичечный коробок, куда до гнезда долететь! А тут вижу: и гнездо рядом в траве валяется, и его ветер с дерева сорвал. Совсем беда.

И пока я стоял да смотрел на эту беду, вдруг вижу – вороны мои взрослые отлетели куда-то в сторону и там такой крик подняли, еще громче прежнего! Прямо над самой травой вьются и кричат, вьются и кричат: «Кккар! Кккар!» Я все ближе к воронятам, ближе, и вдруг смотрю – а это из травы кот выглядывает, здоровый такой котяра. Вороны над ним вьются, кричат, хотят клюнуть, а он от них лапой отмахивается и к воронятам крадется.

«Ах, ты, – думаю, – сукин кот! Нет, не достанутся тебе воронята, ишь чего захотел – маленьких воронят съесть? Дудки!» Взял я этих воронят и отнес в свой коттедж, на веранду.

Вороны – папа и мама – до самого коттеджа меня провожали, кричали над головой: «Кар, кар!» Мол, отдай, отдай! А как я им этих воронят отдам, они же не могут их на руки взять и в новое гнездо отнести. Так что зря они на меня кричали, я их воронят от кота спас. Ну, в общем, стали эти воронята у меня на веранде жить. Такая большая веранда, стеклянная, светлая, два дивана там стояли и столик, мы там вечерами чай пили. И вот посадил я там воронят и говорю им: «Будете тут жить. Тут вас никто не обидит».

Закрыв дверь на веранду и окна закрыл, чтобы кот сюда не забрался, и пошел в общую столовую обедать. Только вышел из коттеджа – опять эти вороны – папа и мама – на меня налетели, опять кричат: «Кар, кар!» Вот, думаю, привязались, сейчас я покормлю ваших воронят, не беспокойтесь. Взял в столовой свою котлету и отнес воронятам, накрошил перед ними и котлету и хлеб и говорю: «Ешьте». А они не понимают. Сидят под диваном, съежились, только красными глазенками хлопают. Ладно, думаю, ничего, проголодаетесь – скушаете. Оставил им эту еду, сам ушел в свою комнату.

До самого ужина я в своей комнате работал, даже забыл про воронят, а когда пошел ужинать, зажег свет на веранде, смотрю – ничего не съели мои воронята, сидят себе, как сиротиночки, под диваном. Думаю, что же это такое, чем же мне их кормить? Ни червей, ни мух у меня нет. Пошел в столовую на кухню к повару: дай мне свежего мяса кусочек, может, воронята свежее мясо будут кушать. Ну, повар дал мне маленький кусочек. А этот маленький кусочек я еще на маленькие кусочки порвал и принес воронятам, положил перед

ними и говорю: «Кушайте». А они не едят. Вот, думаю, негодяи – я им свою котлету отдал, даже свежее мясо им принес, а они не едят! Нет уж, думаю, я вас заставлю кушать.

Взял я кусочек мяса в щепотку, а другой рукой пробую воронятам клювы открыть, а они ни в какую, не открывают клювы – и все тут! Пробую дать им котлету – то же самое. Совсем я разозлился на них. Стал одним пальцем даже так легонько бить их по клювам и ругать при этом:

– А ну-ка, открывайте клювы! Ну-ка, открывайте, негодники! Я кому сказал?!

— А ну-ка, открывайте клювы!
Ну-ка, открывайте, негодники!
Я кому сказал?!

И вдруг один вороненок ка-ак разозлился, ка-ак открыл клюв, «ка-ар!» – говорит. И даже хотел меня клюнуть.

А я – не тут-то было! Я как увидел, что он клюв открыл – раз! – и бросил ему в клюв кусочек котлеты.

И так я научился этих воронят кормить. Возьму в щепотку кусочек котлеты, или мяса, или хлеба, а другим пальцем бью их по клювам, ругаю всякими словами, чтобы они поско-

рее разозлились, а как они разозлятся – «Ка-ар!» – тут я им – раз! – и заталкиваю каждому кусочек еды.

Правда, должен честно сказать, пачкуны они были ужасные! В туалет ходить не умели, прямо у меня на веранде пачкали. Не успеют поесть – сразу напачкают, я за ними убирать не успевал.

Весь диван перепачкали, и вообще у меня из-за них с нашей уборщицей тетей Дорой постоянно были скандалы. Тетя Дора обычно приходила по утрам убирать коттедж. А если я спал допоздна, она меня не будила, сидела себе тихо на веранде, на диванчике, отдыхала, чай пила с конфетами и печеньем и ждала, когда я проснусь. А тут вдруг на веранде мои воронята поселились, весь диван перепачкали – негде тете Доре даже чаю попить и посидеть утречком. Очень она на воронят злилась, я даже боялся, как бы она их на улицу не выбросила – там бы их, конечно, кот в две минуты сцапал. Поэтому я стал веранду на ключ запираю – на всякий случай.

А тетя Дора, конечно, еще больше разозлилась: «Не буду, – говорит, – я за этими воронятами убирать, это в мои обязанности не входит! Мне, говорит, за это не платят! Мне, говорит, платят, чтобы я за писателями убирала и артистами, а не за воронятами!»

– Ах, так? – говорю. – Не хотите за моими воронятами убирать, тогда нечего и мои конфеты кушать!

В общем, поссорились мы с тетей Дорой, и стал я сам свой коттедж убирать – и за собой, и за воронятами. Вот какие хлопоты были. Накормить их нужно – раз, убрать за ними – два, а тут еще эти вороны – папа и мама – проходу мне не давали. Стоит мне выйти из коттеджа – тут же налетают, прямо перед лицом кружат и кричат: «Ка-ар! Ка-ар!!» Требуют своих воронят. А то еще совсем черт знает что выдумали: я иду по тропе между деревьев из коттеджа в столовую, а они летят надо мной с ветки на ветку, кричат, отламывают всякие сухие сучки, ветки и шишки и бросают на меня сверху за то, что я их воронят от кошки спас, что кормлю их целыми днями и даже с уборщицей из-за них поссорился. И так я однажды на них разозлился из-за этого (они мне прямо по голове тяжелой шишкой угодили), что схватил воронят, вынес на крыльцо своего домика, положил на ступеньки и говорю: «Нате, забирайте своих воронят!»

Ой, что тут началось! Вы бы видели! Стали эти вороны к детям своим подлетать, толкают их крыльями, кричат им «Кар! Кар!» и взлетают на соседнее дерево – показывают, мол, летите за нами, летите за нами! Воронята крылышки раскрывают, а полететь не могут, падают. А папа с мамой еще больше кричат и опять к ним подлетают, опять их толкают с крыльца – летите, мол. Вижу: совсем воронят затолкали, те уже и крылышки не раскрывают, лежат в траве, а тут на этот крик опять наш кот пришел и стоит поодаль, наблюдает.

– Ну? – говорю я воронам – папе и маме. – Что будем делать? Или, – говорю, – вы забираете своих воронят в гнездо или их сейчас кот съест. Решайте!

А что они могут решить, у них же нет рук отнести воронят в гнездо. Пришлось мне опять забрать воронят к себе на веранду – не отдавать же их коту на съедение!

Стал я дальше с ними мучиться. Прожорливые они стали: сколько ни принесешь из столовой, все съедят, а потом напачкают. Прямо беда мне с ними, уже ко мне и гости перестали приходиться. А не кормить их тоже не могу – они уже подросли, ходят по веранде и, как увидят, что я из столовой иду, сразу: «Кар! Кар!» Мол, есть хотим. А повар мне больше одной котлеты не дает, и вот вижу я, что нам с ними на троих одной котлеты мало. Решил их простым хлебом кормить. А они хлеба не хотят, им, видишь ли, мясо подавай! А где я его возьму? За мясом нужно в Москву в магазин ехать.

В общем, так я с этими воронятами завозился и замучился, что уже вообще про всех своих знакомых забыл. И вот сижу я как-то на веранде перед моими воронятами, бью их

пальцем по клюву, хочу хлебом накормить, а они, конечно, клювы не раскрывают, не хотят простой хлеб есть. А я ругаю их всякими нехорошими словами, даже повторять тут стыдно.

И вдруг слышу – кто-то хохочет у меня за спиной. Поворачиваюсь: Боже мой, Аня! Моя знакомая приехала ко мне в гости из Москвы, стоит у меня за спиной, шоколадное мороженое на палочке облизывает и слушает, как я воронят ругаю.

Стыдно мне стало – ужасно! Говорю ей:

– Что ты хохочешь? Лучше дай им кусочек шоколада от своего мороженого, а то они хлеб не хотят есть!

Она отломил шоколадную корочку от мороженого, и тут как раз один вороненок на меня разозлился и говорит: «Ка-ар!» А я – раз и сунул ему в горлышко кусочек шоколада. Он – бум, и уснул в ту же минуту – голову прямо набок уронил, глаза закрыл – я думал, он умер! И так я на эту свою знакомую рассердился! «Ты, – говорю, – отравила моего вороненка своим шоколадом!» Чуть мы с ней всерьез не поссорились из-за этих воронят, но – слава Богу! – вороненок через минуту проснулся, просто этот шоколад такой питательный и сытный, что он сразу уснул. Со мной, между прочим, тоже так бывает: стоит мне что-нибудь сытное съесть, я почти в ту же минуту засыпаю, ничего с собой не могу поделаться...

Короче говоря, сколько у меня хлопот было с этими воронятами – не могу передать! И от кошки их стереги, и корми по три раза на день, и убирай за ними веранду, и еще родители вороны проходу мне не дают, не могу из коттеджа никуда выйти, налетают на меня, кричат, сухие ветки и шишки бросают сверху. Надоела мне эта жизнь, прямо вам скажу. Думаю, хватит с меня! Открыл однажды дверь с веранды на улицу и говорю своим воронятам:

– Все! Хватит с меня! Идите на все четыре стороны! Вы уже вон какие здоровые вымахали! Идите и сами себе корм добывайте! Нечего тут тунеядцами жить! Ну-ка, марш! Марш на улицу, в парк!

А они не идут. Сидят возле двери, снизу так на меня смотрят, а в парк не идут.

– Ну, ваше дело, – говорю. – Я вас больше сторожить не намерен. Вот дверь открыта, где хотите – там живите. А я спать пошел.

И пошел спать действительно.

А утром, в самую рань, в пять часов утра, наверно, едва солнце взошло, слышу у меня за окном: «Ка-ар!» Нет, думаю, не встану, хватит с меня этих вороньих карканий. А за окном опять: «Ка-ар! Ка-ар!» И так требовательно, и голос незнакомый – не тех ворон, папы и мамы, а какой-то тонкий, молодой: «Ка-а-ар!» Ладно, думаю, придется встать. Встал, выглянул в окно. А у меня прямо под окном была цветочная клумба, я там ромашки разводил и настурции. И вот я вижу – в моей клумбе посреди ромашек сидит один из моих воронят.

А он меня увидел
и сразу так радостно:
— Ка-а-ар!

— Чего тебе? — говорю.

А он меня увидел и сразу так радостно:

— Ка-а-ар!

И вдруг открывает крылья и взлетает мне на окно, на раму. И смотрит на меня сверху своим черно-красным глазочком и опять:

— Ка-а-ар!

И с оконной рамы на ветку дерева перелетает, и опять на меня оглядывается: «Ка-а-ар!» – мол, видишь, я уже летаю, я просто тебя разбудил, чтобы спасибо сказать за все, что ты для нас сделал. Честное слово, именно так я его понял в то солнечное утро, да и как иначе можно было это понять? Мы с ним посмотрели друг другу в глаза, поняли друг друга, и у меня даже теплый комочек под горло подкатил: «Вот, – думаю, – ничего в мире зря не пропадает, никакое доброе дело, даже маленький вороненок придумал, как мне спасибо сказать за то, что я его с братом от кошки спас и выкормил».

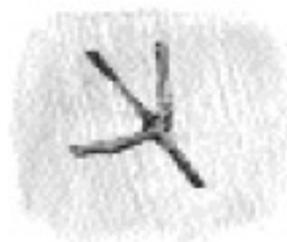
– Ладно, – говорю я ему. – Не стоит благодарности. Лети с Богом!

И вижу, он с ветки на другую ветку перелетает, а там его уже второй вороненок ждет, и вот они оба полетели по парку, с дерева на дерево, с дерево на дерево и издали мне еще на прощание так весело кричали: «Ка-ар! Ка-ар!», – что я сам не удержался и крикнул им тоже вдогонку:

– Ка-а-ар?!

И засмеялся, счастливый.

1979–1980 гг.

Мои любимые собаки

У меня никогда не было собаки. Хотя собак я люблю больше всех других зверей и животных. Потому что с собакой можно разговаривать, как с лучшим другом. Собаки все понимают. С ними можно дружить, играть, ходить на охоту и даже петь песни на два голоса. Честное слово! Я знаю одну собаку, она живет в Вашингтоне и зовут ее Ричи – так она умеет петь все песни Людмилы Зыкиной. Какую песню ни начинаешь петь, она подпевает, и как точно, знаете! А еще одну собаку я знал в Советском Союзе – она, наоборот, совершенно не терпела музыки и особенно ненавидела почему-то Гимн Советского Союза. Каждое утро, ровно в шесть утра, когда где-нибудь в нашем доме радио начинало играть Гимн Советского Союза, Яшка – так звали эту собаку – начинал выть совершенно невыносимым голосом. Он выл так громко и так тоскливо, что его хозяева боялись, как бы их не арестовали за то, что их собака не любит Гимн Советского Союза. Поэтому они прятали Яшку в спальню, на кухню, в туалет, лишь бы он не слышал, что где-то играют Гимн Советского Союза. Но Яшка все равно слышал – у него был настоящий собачий слух. Причем когда играла какая-нибудь другая музыка, он не реагировал, молчал, но стоило где-то зазвучать первым тактам Гимна Советского Союза – Яшка начинал выть так, что слышал весь дом. Вот какие бывают музыкальные собаки! Что-то его в этом гимне не устраивало, наверно...

Но я не собираюсь рассказывать вам обо всех собаках, которых я знал. Их слишком много. Я хочу рассказать только о моих самых любимых собаках.

Вообще некоторые дети собак боятся. Например, моя племянница Ася, которая сейчас живет в Израиле и которой я посвящаю эти рассказы, – она всегда боялась собак. Особенно – больших. Как увидит большую собаку, остановится, сожмется, хнычет и просится на руки. Но я должен вам сказать, что бояться больших собак – это большая ошибка. Честное слово. Я тоже в детстве боялся больших собак, и вот какая из этого вышла история.

Мне было шесть лет, когда меня приняли в школу. И я очень гордился этим и не разрешил ни бабушке, ни маме провожать меня до школы.

– Я сам, – сказал я им, – буду в школу ходить! – И пошел. Прямо с первого дня надел ранец и пошел в школу. Пешком. Правда, идти было недалеко – всего три квартала.

Ну вот, иду я по тротуару, весь такой гордый и самостоятельный, размахиваю какой-то палочкой и вдруг вижу – прямо мне навстречу идет большая собака. Может быть, сейчас бы я решил, что это не очень большая собака, а так себе – средняя. Но тогда! Я ведь был маленький – шесть лет, и мне эта собака показалась громадной, потому что она была выше меня ростом. И она шла мне навстречу по тротуару, одна, без хозяина. И я струсил. Испугался, сжался весь. Я даже глаза ее до сих пор помню – обыкновенные и, по-моему, даже добрые глаза, но я тогда почему-то подумал, что лучше мне с этой собакой не встречаться. И вот я решил, что лучше-ка я перейду на другую сторону улицы. И я пошел. Прямо поперек мостовой. И как раз в эту минуту по улице ехал грузовик, и я просто чудом не попал под колеса, но зато со всей силы стукнулся головой о борт машины. А там как раз торчал какой-то железный крючок, и вот я стукнулся головой прямо об этот крючок, и – хорошо, что я был маленького роста – удар пришелся выше виска, почти по макушке. Как я орал! Ведь кровь хлынула на мою новую белую рубашку, на мой новый ранец, и вообще я думал, что у меня теперь в голове на всю жизнь останется большая дырка. Я лежал на мостовой, орал благим матом, держался за голову, а надо мной стояла большая собака, из-за которой я боялся встать. Хорошо, что подбежали прохожие, подняли меня и отнесли домой.

И вот с тех пор я перестал бояться больших собак. Потому что лучше идти навстречу самой большой собаке, чем попасть под грузовик, так я решил. И что вы думаете? Я оказался прав! Сначала я боялся подходить к большим собакам совсем близко, а только не уступал

им дороги и все, а когда они меня обнюхивали, я внутри все равно весь сжимался от страха, но потом я увидел, что чем больше собака, тем она добрее к детям, тем меньше ее нужно бояться, оказывается. И я так осмелел, что вообще перестал бояться всех собак и уже смело подходил к самой страшной собаке. Внутри немножко страшно, а я все равно иду прямо к собаке и говорю ей сразу: «Здорово! Как дела? Как ты себя чувствуешь? Давай поиграем!» И тут же начинаю чесать ей под подбородком. Они, знаете, как любят, когда им под подбородком шею чешут! Самое большое удовольствие.

Ну вот, в детстве я дружил с самыми разными собаками, но все-таки любимой собаки у меня не было. А первая любимая собака появилась у меня, когда я перешел в девятый класс и переехал с Украины на Кавказ, в город Баку. Там я сразу подружился с одной собакой по имени Тэжо. Вот это была собака! Огромный эрдельтерьер рыже-каштановой масти с седой бородой и двумя медалями за разминирование колхозных полей. Дело в том, что в молодости Тэжо был служебной собакой в городе Москве, и он был специалистом в поиске мин, которые еще после войны остались на полях, и вот он нашел столько таких мин, что получил за это две специальные медали! А потом, когда срок его службы кончился, его отдали одним людям, и они привезли Тэжо в Баку.

И вот в Баку я с ним и познакомился.

Это был замечательный пес!

Даже не знаю, с чего начать о нем рассказывать.

Ну, во-первых, он все понимал. Абсолютно. Например, его хозяйка Татьяна Алексеевна устраивала даже целые спектакли – показывала, что Тэжо понимает человеческую речь. И делала она это так. Они – Татьяна Алексеевна, ее сын Слава и Тэжо – жили в квартире из двух комнат с верандой. И у Тэжо было свое место во второй комнате под роялем. Он там всегда лежал целыми днями. Наверно, потому, что это было самое прохладное место в квартире,

Тэжо имел очень густую теплую шерсть, а в Баку ведь так жарко! Ну вот, лежит, значит, Тэжо себе во второй комнате, а мы – Татьяна Алексеевна, Слава, я и еще два-три наших со Славой одноклассника – сидим в первой комнате, чай пьем или просто болтаем. И вот Татьяна Алексеевна говорит:

– А хотите, я вам покажу, как Тэжо человеческую речь понимает?

– Хотим, – говорим мы. – Конечно.

– А вот смотрите, – говорит, – я даже его имени называть не буду, а вы увидите, как он будет себя вести. – И после этого она начинает говорить так: – А знаете, ребята, как я нашу собаку люблю! У нас замечательная собака. Придешь домой с работы усталая, замотанная, а он навстречу тебе выбегает, ласкается, головой трется, улыбается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.